

Р. П. Чернов

О ГОСУДАРСТВЕ

ЛЮДОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ

Рустам Чернов

**О государстве.
Людологическое эссе**

«Издательские решения»

Чернов Р. П.

О государстве. Людологическое эссе / Р. П. Чернов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938219-1

В настоящем людологическом эссе проведен анализ государства как исторической социальной системы, определяющей бытие общества и отдельной личности. Понимая государство как бытие в действительности права, а право как бытие в возможности государства, автор раскрывает средства и способы игрового моделирования государственности, указывая на его игровую, и поэтому во многом условную, природу. Описаны некоторые практические рекомендации реформирования современного государственного устройства.

ISBN 978-5-44-938219-1

© Чернов Р. П.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	17
5	23
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

О государстве Людологическое эссе

Рустам Павлович Чернов

Иллюстратор Эмиль Фриан

© Рустам Павлович Чернов, 2020

© Эмиль Фриан, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8219-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Государство привлекает ровно столько же внимания терпеливого методолога современности, сколько и Бог. Наши мечты о росте правосознания – мечты о *веровании* перед алтарем *религии государства*. Современным правителям было бы очень удобно видеть своих граждан религиозными по отношению к новому Богу – государству. Это единственная *архаичная форма*, которая еще не убита Научно-технической революцией, хотя это почти случилось после реального испытания атомного оружия в XX веке. На что сегодня надеется исследователь, обращающийся к вопросу государственного? Возможно ли вообще еще надеяться после стольких неудачных опытов определения сущности государства: Великое просвещение, коммунисты, национал – социалисты, современные борцы за права человека? Зная всю мифологию и тщетность определения бытия государства все равно пытаться написать о нем что-либо похожее на истину? Как будто бы мы можем знать, что есть истина, при всей нашей неискренности жизни до любой смерти? Если не познавать *предельно*, стоит ли познавать вообще? Возможно ли такое познание государства?... Не действием через него, а отвлеченно?

Думается, что это проблематично, так как государство – это самодостаточная реальность, источником которой является представление, сформулированное в праве, а данная реальность имеет собственный источник бытия возможности, ресурсы для его приращения, реализации, формирования, а так же обладает способностью устранять любого, кто предполагает альтернативу такому долженствованию. Правило о том, что мысль не существует вне бытия, а бытие вне мысли, применительно к государственному трансформируется в понимание государства, *как бытия в действительности права, а права, как бытия в возможности государства*; если право не реализуется в область действительного, то нет и государства, если же в области действительного есть что-то, именуемое себя государством, но его бытие в возможности не содержится в нормах права, то это не государство. С учетом того, что современное законодательство, руководствуясь позитивизмом, может бесконечно долго расширять границы собственности бытия в возможности, приходится констатировать, что любой *предельный философский анализ* здесь мало уместен, и мы не дадим такого определения, которое описывало бы большинство признаков явления, по которым государство можно было бы идентифицировать методологически. Обратное – означает ограничивать его, а в отношении активно действенно развивающейся субстанции – это практически невозможно. По всей видимости, современное государство, закончив свою метаморфозу, само создаст себе символ, позволяющий с легкостью опознавать его. В этом отношении понятно современное военное противостояние Запада и Востока. Это фактическое противостояние времен. Восток представлен классическим государственным, в то время как Запад – новая форма организации материи, которая еще по привычке, именуется государством, хотя, по всей видимости, таковым уже не является.

Тогда зачем эта работа? Есть мнение, что данные изменения могут быть не полезными и привести к гибели цивилизации, как это чуть было не произошло в XX веке. Предполагается, что государство, хоть и стремилось свести себя в своей активной части к обычной трудовой функции, все же представляет определенную ценность именно как государство, как то, что так тщетно и неоднократно пытается определить мировая мысль на протяжении процесса самоидентификации, именуемого историей. Как правило, истории пишутся теми, кто выжил, мы не знаем историй тех, кто погиб; *мир представления поэтому оптимистичен изначально*. Именно это рождает трагедию столкновения индивидуального (как носителя общественного представления) и общественных, объективных, потусторонних форм реального. Кстати, стандартизировать это внешнее по отношению к личному, гарантировав минимальный уровень безопасности такого столкновения – тоже одна из задач государства. Хотя бы ради этого, стоит

его исследовать так, чтобы не получилось конфуза незнания перед действием и раскаяния после него.

Такая традиционная позиция сохранения *по факту наличия* – не дань моде восточного миропонимания. Любой хаос, *единожды признанный за допустимую среду обитания и в локализации своих переменных стабилизированный согласием с ними*, путем ли изоляции от них (например, постройка жилища, против изменчивых погодных условий), или же путем ритмического и прочих совпадений с ними (от формирования цикла посевных, до изобретения наручных часов), *становится Порядком*. Дисциплина человека делает участие в нем формой успокоения, стабильностью. Государство, в некотором смысле, – удачно организованный хаос человеческой природы в части ее попыток самоуправления перед силами, способными уничтожить род людской (ненависть, зависть, насилие, все то «греховное человеческое», что гибелью грозит).

Государство отличается формой постоянности. Оно не существует, как идея (абстракция), – где-то, ожидающая своей реализации, или реализуемая при определенных условиях (провидение, судьба, рок). Государство как комплекс охранительных причинно – следственных связей, в сущность которых возможно проникнуть благодаря закону в любой момент, присутствует везде постоянно. Описание данных форм связи причин и следствий в весьма достаточной степени для утверждения, дает нам *теория правоотношения*. Вместе с тем утрата государством религиозности на Западе, шатает представления государственного от абсолютного регулятора, сферы в которой и обретают себя внеправовые формы социальной реальности (любовь, месть, например), до представлений об охранительных и специальных процессуальных функциях (правосудие, выборный процесс, бюджетирование и прочее), формируя тем самым поле технократического потребительского отношения к государственному.

Вместе с тем, представления о государстве, которые носят реализуемый характер и поэтому являются частью парадигм, непосредственно составляющих бытие государства весьма разрозненны и неоднородны. В их простом типе существует устойчивая мифологическая, тотемная связь по типу *именной культуры*, — конкретная страна, территория народ. Отсюда все то, что по своему определению не может быть включено в структуру государственного, как отвлеченного, теоретического компонента и вечно заикленного на конкретику частного, упрощенно доступного каждому жителю страны, представителю народа. Отсюда и политические амбиции и специфика любой публичной государственной власти, сложение коих, в конечном счете, составляет международное основание, а значит, в большей части отвлеченное и теоретическое. Как пример выхлопа такой противоположности – Конституционные суды или органы управления международных конфедераций.

При всем этом государство до сих пор сохраняет зависимость от права, как в идеологическом отношении, так и в структурном. Такова работа формулы о том, что право бытие в возможности государства, а государство бытие в действительности права, в отсутствии методологии познания права. Как следствие, любая идея может зажечь государство, преобразовать его правовые нормы, как в части их материального содержания, так и в части реализации процессуальных институтов, обеспечивающих актуальное бытие государства. В XX веке идея избранности в национал – социализме, благоденствия, сбалансированности в социализме унесли достаточное количество жизней, чтобы быть осторожным в вопросе идейной природы государства. Осторожным настолько, чтобы понять, что *государство – это инструмент воплощения идеи, любой идеи*. Когда Боги Древнего мира перестали справляться, им в помощь пришли воины, союз и организация которых по воплощению задач Богов, передаваемая в наследовании, приобретающая территории и рабов, создала механизм, развитие которого сегодня мы называем государством.

Неслучайно государство и цивилизация неотделимы друг от друга. Возникновение цивилизации мы естественным образом, в том числе археологически, увязываем с возникновением

государства, здесь нас не посещает ни сомнение, ни страх ошибиться. Государство как единая базовая платформа для различных культур, национальностей однородно связанных и родственных друг другу уже тем, что они есть часть государственного. Наша история социального в таком случае – это история возникновения, развития и соответственно гибели государств. Последнее же, как форма, которая в той или иной степени наполняется то одним, то другим содержанием, но формально относительно самое себя остается неизменным. Изучить данность этой формы, чтобы понять насколько она определяема для содержания и этим ограничить исследование? Там, где появляется монументальность строений, свидетельствующих о силе символизма и культа, гончарный круг, подчеркивающий разделение профессий, деньги унифицированного типа, там есть государство?

Мы можем набросать не мало поз и тез, но все они в итоге приведут нас к выводу о том, что познание определяется принципами *встречности* и *подобия*. Нам удобно видеть государство там, где оно нам встречно и подобно, там, где наш разум может зацепиться за ту область, которая познаваема его методом и благодаря его методу. Именно поэтому те преобразования, которые сейчас происходят с государством нами воспринимаются как его естественное развитие. Мы вполне можем не заметить того (или уже не заметили), что то государство, которое мы изучаем, и о котором пишем на страницах учебников, уже не существует и от него эволюционно остался скелет, кости которого все еще продолжает обсасывать верный пес политики – юридическая наука.

Во всяком случае, если следовать тезису о том, что государство продуцирует цивилизацию, то оно весьма сильно отстает от того, что успела приобрести и что есть цивилизация *в форме развития технологий* на сегодняшний момент (технология именно как продукт творческой индивидуальности). Развитие представления о реальности, по крайней мере, у правоохранительного аппарата до сих пор обусловлено религиозными представлениями о еретиках средневековья, до сих пор в преступлении судебным юристам видится *отступление от нормы*, еретичность, а не парадигма бытия, развитие которой следует регулировать и формировать специальными методами.

Сегодня нет не только представления о том, каким должно быть государство, но нет также образца для исследования. Есть пути развития, харизматичные лидеры, разумно организованные системы, но непосредственно государства, которое могло бы послужить формой познания – нет. Все замешано либо на гуманизации (человеке как следствии Великого просвещения), либо на особом пути, либо на государстве как «вещи в себе», а еще точнее – самой по себе. Спасение сегодняшней формы государственности интересно так же, прежде всего, и потому, что за очередной войной, катастрофой и так далее вряд ли будет осуществлена преемственность с учетом роста технических возможностей уничтожения.

2

Профессиональные юристы, монополизировавшие сегодня *правильное представление* о государстве в процессе своего обучения сталкиваются с Теорией государства и права, Историей политических и правовых учений. Несмотря на обширность предметов, систематичность и почти совершенную процедуру обучения, в данных дисциплинах мы находим весьма скудные данные о государстве. Академическая школа досконально освещает вопрос *происхождения государства*, эволюции взглядов на государство, сущности государства согласно формально-юридическому подходу и его негативному зеркальному собрату – социологическому подходу. Этого на первый взгляд совершенно достаточно для составления себе точного и достаточного представления о государстве для целей правоприменения.

Системные сбои начинаются в тот момент, когда лицо, сведущее в отношении вопроса о том, что есть государство, в социальной иерархии подходит к тому уровню власти, когда от него и только от него зависит снятие того или иного социального противоречия, определяющего образ бытия неперсонифицированного круга лиц, в отношении неопределенного периода времени. Проще говоря, когда сталкивается с политическими полномочиями в тяжелых нестабильных социальных условиях (аналогично независимая судебная функция). *Здесь государство выступает своего рода Ковчегом, спасающим в своей стандартизации все лучшее индивидуальное, ставшее формой воплощения жизни многих, почти всех посредством силы закона в том числе.*

Оказывается, для политического управления, в особенности для управления связанного с социальными преобразованиями, тех знаний, которые дает наша юридическая школа, совершенно недостаточно. Методология познания государства дает серьезные сбои. Общественное сознание связывает их с социальными катастрофами.

Научить не мыслям, а мыслить – вот девиз университета, как формы обучения, пережившей Великое Просвещение и последовавшие за ним реформы. Вместе с тем, утверждать, что государственный деятель, принимающий политические решения, должен руководствоваться своей способностью мыслить и внутренним убеждением, а не методологией познания и выведенными принципами познания, означает оправдать любую ошибку и любой произвол верховной власти только потому, что она верховная власть, что мало отличается от монархии и сакральной власти.

Отдавая дань Великому просвещению и гуманизму, абсолютно не веря в то, что Западный тип государственного может выжить и эволюционировать, а особенно выжить в той войне миров, которая идет сейчас, мы полагаем, что государство необходимо проанализировать таким образом, чтобы сообщить иной критерий, кроме волевого, в области суждения о государственном, как минимум, в области его наличия или отсутствия, отграничения государства от прочих социальных систем.

Можно было бы сказать в этом ключе о философии права, но требовать при принятии государственного решения философского обоснования – значит повторять Платона, тем более что любое достаточное основание философии – сам философ (в данном случае правитель – круг замыкается). Прошло уже более двух тысяч лет, как учение Платона известно¹ – перемен

¹ Язык тогда – как особая сфера ритуализированности, доступная избранным, прошедшим инициацию естественного и социального отбора на фоне тяжелейших бытовых условий, когда быть членом общины, государства – уже составляло определенную успешность. Равенство гражданского состояния в древних цивилизациях – это равенство успеха перед тяжестью задачи выживания, все равны перед смертью, удачей, богами, государством как конструктором богов. Словами заговаривали, а, следовательно, управляли, окружающим.

пока нет, ни единожды попытка государственного устройства Платона не была реализована. Поэтому очевидно необходимо искать что-то новое.²

Забывая о том, что видоизменение государства занимает столетия, если не тысячелетия, нам следует отметить, что наша критика в большей части касается Великого просвещения и последних 300 лет развития, продуцированных его идеями. Падение Христианской морали, безусловно, так же сыграло свою роковую роль в появлении Просветителей. Так или иначе, последние 300 лет – пример последовательного воплощения в жизнь теоретических моделей устройства государственного, без особого понимания того, что есть государство.³ Правда, в отдельных моментах с исчерпывающим представлением о том, что является его сущностью (марксизм, национал- социализм, большевизм, капитализм).

Практика показывает, что современная юридическая наука, так скоро отмежевывавшаяся в самостоятельную дисциплину в области действительного, лишает правоприменителя элементарных представлений о социальных явлениях, оставляя единственным ориентиром – личное благосостояние в денежном эквиваленте.

Признать указанное положение вещей удовлетворительным не представляется возможным.

К государству и праву необходимо сохранять *богобоязненное отношение*, это не слесарные инструменты, которые можно отремонтировать и поменять в ближайшем магазине. Современное время реализации и освоения результатов великих географических открытий, лишивших свободных духом возможности сбежать из области государственного, без лишения благ цивилизации, заставляет нас, как минимум, знать ту *сферу социальной системы*, в которой приходится жить – государство.

С учетом же того, что государство сегодня монополист в области публичного насилия, мести, счастья и так далее, следует знать с кем имеешь дело. Необходимо понимать в чем дело и каким образом надо коммуницировать с современным государством и таким образом обеспечивать, хотя бы, сохранность своего имущества в будущем при элементарном планировании на 500 – 1000 лет, не говоря уже о том, чтобы строить новую полноценную социальную систему.

² Ради истины следует отметить, что Платон хотел сэкономить на религиозном культе, точнее на той функции, которую исполнял религиозный культ – снятие противоречий в области бытия в возможности (философское знание как целостное универсальное представление, изначально лишённое противоречий и потому с неизбежностью готовое к реализации вместо религиозных ритуалов).

³ Вот, например, в одном из популярных учебников, допущенном Министерством образования и науки РФ в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» находим следующее определение: «Сущность государства – это историческая цель и социальное назначение государства, определяющее его закономерное и устойчивое явление.» // Теория государства и права: учебник/ кол. Авторы; отв. Ред. А. В. Малько – 3-е изд., стер.– М.: КНОРУС, 2008 стр. 39.

3

Системность, стабильность, а еще точнее *упорядоченность* – то, что имманентно присуще любому государственному. Порядок, независимый от времени и пространства в причинно – следственной связи, исполняемый в любом случае, пока он благодаря властному воздействию не будет отменен. Казалось бы, одним из признаков государства должно быть свойство государства *предельно структурировать значение* реальности. Например, коллизия оргпреступности и государства в том, что оргпреступность до сих пор не может предельно структурировать бытие любого человека по своему усмотрению и желанию⁴. Государство же, обладая специальными учреждениями (тюрьмы, система правосудия, система перевоспитания) может позволить себе конечную форму определения бытия человека на протяжении всей его жизни. Ему приходится менять государство, чтобы почувствовать нормальность жизни. Классические признаки государства: территория, право, публичная суверенная власть, система организованного насилия, налоги – это больше признаки *post factum*. Они отражают естественность бытия сообщности людей (местоположение – территория, правила общежития – право, управляющий – публичная власть, насилие – система организованного насилия, деньги- налоги), уникальность государственного здесь больше обнаруживает себя в масштабе и специфике организации власти. Впрочем, ни организация территории, ни охрана ее границ, ни полноценное независимое управление, ни насилие, тем более организованное насилие, ни закрепление собственности волеизъявления текстуально и доведение его до всех путем правосудия, ни безвозмездный отъем денег у каждого, кто на твоей территории, невозможны без упорядочивания социальных процессов, их собственности структурирования. Все таки стоит уделить этому вопросу некоторое внимание, ибо целевое предназначение государства – порядок, который не призван сделать земную жизнь Раем, но не допускает Ада земного (В. Соловьев).

Порядку противостоит хаос. Все культуры и верования мира начинаются с того, что был мрак и хаос. *Хаос, как сумма переменных, каждая из которых сохраняет свою произвольность в отношении других в такой степени, что не может ни выделяться из них, ни определять их, а сумма всех переменных не образует ничего постоянного, воспринимаемого целым*. Можно долго скитаться по свету в поисках такого хаоса и не найти его по той причине, что все в мире упорядочено определенным образом, и любая переменная является нестабильной только до тех пор, пока не столкнется с категориальным императивом Канта. Но с другой стороны, такой хаос доступнее, чем мы думаем. Он доступен каждому из нас. В людологической традиции такой хаос связан с первичным *бытием в возможности*. Бытие мысли как мысли и есть такой хаос, основа основ. Архаичное *все едино* восходит к необходимо единому основанию организации – изначальной хаотичности всего сущего. Об этом же и *познай себя* – увидеть в себе все те же основы, что составляют окружающее, – раз ты способен быть в него кооптированным. С другой стороны, современное отношение к тем, кто познал себя и не вернулся в область социализации – как к болезни, расстройству сознания. Поэтому сегодня не часто встретишь тех, кто удивляет окружающих знанием, добытым в глубинах познания собственного мира. Самокопание в себе и высшая государственная власть не совместимы так же в силу простой ограниченности временного ресурса, созерцание себя – вещь, требующая, как минимум, независимости. Хаос как область мышления, упорядоченная областью восприятия действительного, естественен для человека. Совершенно неестественно и требует своего разрешения, когда в области бытия в возможности в области мысли есть представление, не содержащее в себе ника-

⁴ Только убить его, но обеспечить ему элементарное пожизненное заключение, сопряженное с любовью своего положения, проистекающую из боязни все же приведения в исполнение смертной казни, зарождающая при этом шизофрению надежды на освобождение – публично не в силах.

ких противоречий, а область действительного в предмете образа представлена исключительно противоречиями. Но именно такова социальная природа государства сегодня. Применительно к государству это трансформируется в понятия законности и преступления. Но, по сути, и положение вещей, называемое законным и положение вещей называемое преступлением – это сферы реализации двух форм бытия в возможности относительно действительности, которые не совпадают. Государство возникает, как бытие реальности, признаваемой и поддерживаемой организацией принуждения, аппаратом насилия. *Это, своего рода, форма, обеспечивающая цикличность, непрерывность реализации определенного (в праве) бытия в возможности в область действительного.* Это то, что противостоит любому личному хаосу потенциального бытия. Правовым государство является только в том случае, если оно не оценивает любое личное бытие в возможности как хаос противостояния, предполагающий ликвидацию и определенным образом структуризацию (свобода мысли). Природа возникновения государства в этом отношении – это вопрос того, каким образом стабилизировался хаос индивидуального перед необходимостью однозначности действительного.

В каких формах обрело себя государство становится понятно при исследовании архаичных культур. *Государство появляется именно в тот период времени, когда ритуал перестает справляться со своими функциями.* Именно когда власть знания, ритуала перестает персонифицировать сознание субъекта настолько, что он не видит за его границами ничего, кроме враждебности «табу», тогда его собственное бытие в возможности начинает трансформироваться в формы реализации, которые чужды ритуалу и не охватываются им. Появляется область действительного, которая чужда сложившимся нормам и практике регулирования, принятия решения в ситуации выбора. Если ситуация выбора – это снятие противоречия в области бытия в возможности (мысли), при известности реальности, пусть даже эта известность делится на абсолютно известное (остаться дома) и совершенно неизвестное (отправиться в неведомый поход); но она определена и не вызывает сомнений в области суждения, то с разрушением ритуальности, как полноценного метода регулирования, появляются представители действительности, которые имеют собственную хаотичность мышления, упорядоченную определенным образом и она не противостоит реальности сформированной ритуалом, но является его альтернативой с собственными решениями и собственными лабиринтами принятия данных решений, не совпадающих с ранее существовавшими. Это конкурирующая форма реальности, которая, даже не будучи агрессивной по отношению к ритуалу, уже разрушает его своим неверием и неадекватностью ему. Она не соперничает вместе с ним реальность и не погружается в него, прирастая реальностью. Общество борется с такой изменчивостью либо изгнанием, либо усилением ритуала. Но в какой – то момент это требует именно постоянного участия – из события такие аномалии человеческого превращаются в повседневность. Именно тогда появляется разделение функций, именно тогда рождается государство как *форма искусственно поддерживаемого социального порядка*, за гранью которого полоса отчуждения. Таким государство остается до тех пор, пока не появляется новый вид изменчивости, который активно борется и преодолевает заграждения государства по упорядочиванию хаоса социальной изменчивости. Так, в XVIII веке, государство признает некий порядок по ту сторону самое себя. Это вызвано возможностью передачи информации, развитием книгопечатания и относительной экономической устойчивостью городов. *Появление книги как массового продукта преодолевает время и пространство.* Если ранее для того, чтобы приобщиться к бытию в возможности, размещенному в книге необходимо было преодолеть пространство (попасть в монастырь, библиотеку), преодолеть время, выраженное в прогрессе социального статуса (иметь право на знание или хотя бы научиться читать в том числе на латыни), то с появлением книгопечатания сама книга устраняла и время (доступность любому, владеющему грамотой), и пространство (распространенный тираж). Именно это позволило представителям по ту сторону государственного объединиться (не забудем и о развитии почтовой системы, которая легла в основу

банковской системы) для свержения действующей политической власти. Надо отметить, что практически тот же способ, но уже в управляемом виде использовало ЦРУ США против СССР в XX веке.

Поселить хаос в душе человека, в особенности современного человека, произрастающего из дня сегодняшнего легко. Сегодня для того, чтобы называться мужчиной нет необходимости быть воином. Страх, в особенности страх смерти, продается сегодня под такой упаковкой, что совершенно безболезненно употребляется всеми и каждым. Все имеют равное отношение к пространству, равенство формально- юридического плана. Это порождает иллюзии, но в целом это позволяет большинству людей пребывать в спокойствии, стабильности большую часть своей жизни, как в области приобщенности бытия в возможности, так и в области кооптирования в предлагаемое бытие в действительности. Современному кажется, что оно сбежало от законов объективного, современный человек средний руки в этом почти уверен. Столкновение со смертью дезорганизует его, заставляет метаться и пребывать в хаосе. Революция 1917 в России, например, была бы невозможна без того ужаса терроризма, который был достигнут системным столкновением с случайно- внезапной смертью подданных империи.

Чем порождается жестокость, вплоть до уничтожения применительно к сфере убежденности, когда существует представление о том, как должно быть, но оно находится в противоречии с тем, что представляет из себя действительное? Как ни странно, самые страшные вещи, сопряженные с лишением жизни другого человека, связаны со сферой естественной убежденности. Никто не совершает преступления, осознавая, что это преступление и лично для него является формой негативного. Прямой умысел, как таковой, приносит массу энергетических потерь, большую рефлексию. Задача всех программ подготовки специальных военных подразделений выявить лиц, подверженных внушению таким образом, чтобы однозначно идентифицировать для себя положительное и отрицательное в рамках несения службы. Необходимость четкой идентификации плохого и хорошего настолько важна, что является определяющей при поручении той или иной миссии. Лицо должно четко понимать, что, чтобы оно ни делало, если это признается позитивным необходимым для выполнения поставленных задач – положительное действие, влекущее в том числе награду и повышение. Конечно, центр генерирования задачи в данном случае не должен себя компрометировать откровенным идиотизмом или излишней жестокостью, но это именно открытый в государстве способ создавать новую служебную мораль. Каждый преступник, подвергаемый правосудию, имеет за собой тысячу моментов оправдания собственности поведения и тысячу оправданий самого себя. Да государство сегодня изолирует эту способность оправдать себя самого собственностью суждения (абсолютно самостоятельно определяя относимость и допустимость доказательств в судебном следствии), но от этого не меняется природа появления социальной изменчивости. Лицо в области собственности формирования, под влиянием своих процессов опознавания действительного приходит к собственно – трансформированному бытию в возможности, которое реализовывает в среде подобных самое себя, надеясь тем самым сформировать собственность реальности. Постепенно, оно в восприятии сторонних лиц превращается в полную противоположность той действительности, за которой стоит государство. Противоречия в случае столкновения снимаются сглаживающими механизмами (коррупция, влияние нормативного института адвокатуры и прочее), но в итоге, когда мы застигаем бытие в возможности такого лица и изымаем его из сферы реализации, пресекаем его преступную деятельность, мы обнаруживаем все того же человека, взывающего к пощаде, жалкого и несчастного. Он точно так же, как ему кажется, способен к кооптированию в область бытия в действительности, что и все остальные члены общества и не наблюдает своей неадекватности и социальной измененности. Все те механизмы, формы апробирования реальности, которые есть в каждом из нас, присущи и ему (поэтому симпатии общества зачастую оказываются на стороне так называемых профессиональных преступников). Такова и природа современного наказания – отбыл срок, снял судимость и снова

полноценный член общества. Некоторая легкость и несерьезность все же здесь и присутствуют, некоторая игровая реальность, совсем уж игровая.

Но где тот момент когда, лицо уже изменилось настолько, что не может обнаруживать свою кооптированность в область социального и требует себе отдельной сферы реализации? Согласно закону энтелехии – *пока есть становление, нет ставшего, когда есть ставшее, уже нет становления*. Именно в момент завершенности, осознания себя «лишним человеком». Не тогда, когда оно осознает себя изгоем общественного, не тогда, когда ему отказывают во всем, а именно в момент решения кооптироваться в собственную реальность, которую тут же и начинает выстраивать. Нарушение механизма идентификации по встречности и подобию, при сохранении бытовой адекватности и ресурсности, как физической, так и мыслительной, продуцирует совершенно новые основания для реального. Новые ценности, новые формы самоидентификации в окружающем тебя мире. И если для такого субъекта – это длинный путь, связанный с потрясениями и страданиями, то для государства, идентифицирующего в основном материальные причинно-следственные связи – это всегда некоторая внезапность и удивление. Но это производное от любой социальной системы, любая социально-управляемая изменчивость системы в своей основе имеет в качестве материала именно таких людей, не отформатированных ничем, кроме собственности мышления, и жаждущих приобщения к чему – либо внешнему и организованному, как форме доказательства своей правоты в прошлом относительно совершенных ошибок, продуцирующих внутреннюю ущемленность. Таким образом, изменчивость любой жесткой социальной системы, устроенной по типу противостояния государству – путь вечного изменения. Не признание этого – путь вечных революций. Дело в том, что идеологически сегодня государство претендует на предельность (совмещающая в себе представителя народа по схеме: суверенитет народа – суверенитет государства-суверенитет государственной власти), где народ, в массе уравненного формально-юридического, предстает как источник всего, что принимается неизбежно, если не противоречит норме права, выраженной в законе. Отчуждение государства от права в собственном законодательстве дает народу право осуществлять свой суверенитет непосредственно, вне государственных институтов, в том числе и путем смены власти, насильственной смены власти. Совпадение представлений правового характера и законодательства позволяет снимать противоречия, возникающие в ходе обеспечения упорядоченности (отсутствие хаоса) в связи с тем, что любая социальная система предполагает некоторый брак и девиацию в переходе бытия в возможности в область действительного. Но это только идеологически. Оказывается, государственная власть предполагает определенный тип субъектов (мир собственной разумности, мета – реальность). Человек из народа либо становится фанатиком порядка, либо становится угнетателем тех, кто не входит в государственную власть по принципу сходства и отличия по статусу. Временный характер любых полномочий (маленькая другая жизнь) творит безответственность и двойное отчуждение, как в отношении стороны воспринимающей государственное управляющее воздействие (не упорядоченной, вне образа будущего, так как идея прогресса заставляет отрицать прошлое и не творит из него образец), так и в отношении собственной роли в реализуемых полномочиях. В итоге государственное как единство непохожих, жадных до всего настолько, что каждый входящий в эту структуру пребывает в удивлении, как что-то еще вообще существует и не разваливается. Единой идеологии государства, как формы противостоящей народу и дарующей ему жизнь, только потому, что это выбор между полярностью полномочия, отсутствует. Народ, как море, разбивающее себя заметной частью об аппарат государственного, заставляет его костенеть и приходить к той же функции, что и первобытно-общинный строй – формировать встречность и подобие только в отношении самое себя. Замкнутость встречности и подобию по принципу государственного отношения, это фактически отношение колониаторское, где народ – это некоторая масса, а формально-юридическое равенство – некоторый ошейник в рамках негативного понимания, все равны перед уголовной репрессией и прочим

поражением в правах, но не в возможностях своего роста и притязаний на власть. Это совершенно отделяет государство от той стороны хаоса и превращает его в систему, которая утверждает порядок, систему структурирования социальных парадигм, но только там, где само же и присутствует. Там, где его нет ситуация структурируется произвольно. Это не совсем снятие хаоса, это его усиление, так как государство здесь не движущая социальных процессов, а тот утес в море нестабильности, который организует данный хаос в отношении самое себя (не было бы никакого хаотичного прибоя волн, если бы не было утеса). Это в большей степени, конечно же, оторванность человека последних 300 лет от условий природного развития. Природа как единый отрицательный фон стабильности (стабильность нестабильности) ранее запрашивала от человека железного подчинения традиции, как единственного пути синхронизации самое себя с хаосом окружающего. Мир природы – это всегда мир, превосходящий силы человека многократно и не позволяющий ему надеяться ни на что, кроме милости, при соблюдении условий для выживания. Мир государственной цивилизации, выданный результатами Научно-технической революции (НТР) – это во многом мир «Пяти пальцев», все в нем встречно и подобно, все в нем схвачено мыслью человека, в каждом предмете обнаруживает себя бытие в возможности, либо в форме самой примитивной инструкции, либо в форме глубинного смысла, таинства, но неизменно все сопряженного с мыслительной деятельностью человека.

Многое подлинно индивидуальное субъект до сих пор примеривает на государство, например, первобытное мнение о природе – именно поэтому современное отношение к государству – это во многом религиозное отношение. Ощущение внутренней сопричастности и интуитивности, принимаемой согласованности и сопричастности (то, что использует Христианство в «Бог внутри каждого из нас») сегодня с успехом заменено средствами массовой коммуникации, что только разжигает в человеке огонь экстраверта. Центр перемещения силы, составляющей порождающую константу бытия, неизменно покидает индивидуальность в ее массовом виде, субъектом становится сама масса, где *каждый равен общей массе в качестве, благодаря только количественному* (одинаковые условия равенства всех перед законом и судом). В то же время государство должно быть максимально мобильным, но оно становится мобильным, универсально доступным только для тех, кто подобен ему и готов быть частью его в общем процессе, энтелехии, осуществления того, что называется нормой, того, что принято как норма (право). Но, если, где сегодня и можно найти противоположность хаотичности в области действительного, то это государство. Алгоритмы приведения, упорядочивания состоявшегося и реализовавшегося личного хаоса, конечно, крайне примитивны и сегодня уже совершенно утрачены и нивелированы формой своего исполнения (принудительное лечение или уголовное наказание), но данная форма пока самая эффективная.

Системность и упорядоченность перестала, правда, быть самоцелью, так как государственное взяло на себя в последние 300 лет слишком много повышенных обязательств. Вместе с тем, дестабильное положение XX века и в особенности грядущая Великая катастрофа, усилят понимание самым широким кругом лиц *спокойствия как основной функции бытия человека в условиях реализма*, что еще на некоторое время сохранит за государственной властью средство обеспечения такой стабильности (государство, как то благодаря чему обеспечиваются условия жизнедеятельности).

Итак, в первом приближении к пониманию государства мы должны признать, что оно, как система организации материи, стремится к стабилизации изначально заданного хаоса в каждом человеке, известным ему образом в противовес хаотичности, которая проникает в область действительного за пределами государственного. С такими формами реализации бытия в возможности в область действительного государство неизменно борется. Способ, которым государство организует самое себя в форме упорядоченности социальной материи весьма прост. Бытие в возможности, составляющее бытие государства в процессе своего структури-

рования лишается противоречий (законодательная деятельность, закон как очищенное от противоречий бытие в возможности социума), после чего принимается как образ и форма действительного. Государство в данном случае представляет собой последовательные процессы и конечный результат реализации такого бытия в возможности в действительность. Таким образом, государство – это бытие в действительности права, в то время, как право – это бытие в возможности государства. Там, где государство не руководствуется правом, а власть законом, там, соответственно, и нет государства, так как имеет место реализация бытия в возможности, которое только в субъективном плане представляется в снятом виде, в форме отсутствия противоречий. Изначально обычай как источник права, форма бытия в возможности, выверенная сотнями тысяч лет, был прекрасной формой бытия в возможности для государства, но в современности законодательному процессу следует безусловно уделять больше внимания с точки зрения механизма снятия противоречий. Каждое такое не снятое в процессе законотворчества противоречие грозит противоречием в области действительного, что само по себе подрывает устои властеотношений, бытия государства как системы упорядочивания социальной материи.

Главное – тот, кто ждет от государства чуда и справедливости, находится в плену мифологии о государстве, созданной более 300 лет назад и уже не оправдавшей себя в начале XX века. Попросту спит. Тот, кто искренне заявляет об этом от лица государства, представляя государство, – клинический идиот. Подобные заявления – хуже любой террористической диверсии, они нивелируют сам закон, всю его целесообразность и заранее обречены на провал в рамках строительства социальной системы.

4

Стабильность и упорядоченность – прекрасно. Но это ли сущностная характеристика государства. Стабильность может принести религия, она может дать спасение от собственности хаоса восприятия, она же может упорядочить любое сомнение в том числе и в отношении самого себя. Государство интересно как система сбалансированности тем, что оно пронесет себя сквозь пространство и время. Область *a priori* существует только в отношении индивидуального умопознания, как свойство функции познания человека. В области действия, действительного есть только *a posteriori*, которое задано нам в области чувственного и по этой причине, ограничено относительно нашей способности проникать и познавать сущность окружающего. Естественные науки как формы расширения и сопряжения томления индивидуального и познавательных способностей коллективного, несомненно, совершили революцию в области знания именно за счет того, что позволили не прерываться связи времен. В философии, в умопознании, каждая новая система, если не отрицает предыдущую, то, по крайней мере, не пытается ее обосновать в части методологии таким образом, чтобы взять из нее все ценное и расширить результаты ее применения. Философ, скорее всего машина, которая отрабатывает положенное ему чувственное жизни и отражает его в законченном представлении – философской системе. Наука же напротив – это поэтапные шаги развития методологии познания во времени. Это совершенствующаяся методика познания, передающая аппарат познания и обеспечивающая коллективность познавательной функции. Развитие государства в этом отношении так же отходит от эпохи героев и деятелей, постепенно превращаясь в коллективную функцию. В Западной цивилизации эту традицию впервые вводит Рим, который преодолевает и время, и пространство, надолго обеспечивая государственность методологией. Средние века в основном копируют наработки Рима, сопрягая их с открытиями Древней Греции, возрождая и скрепляя государственность, философию и религию. Последняя, вполне вольно обращавшаяся со временем, сыграла исключительную роль в развитии современного государственного. Но подлинно современное государство как новая форма реальности рождается с банковской системой в XVIII, с безналичными деньгами. В это же время наблюдается слом ранее сложившейся государственности (буржуазные революции Великого просвещения). Деньги – самое ценное чувственно – общественное для индивидуума. Ему не принадлежит в деньгах абсолютно ничего, кроме их способности кооптировать его в область отношений созданных и поддерживаемых общественным. Начав регулировать сектор, связанный с безналичными деньгами, а затем, перейдя к политике монетаризма, отвязав деньги от материального субстрата (в данном случае золота) в XX веке, государство взяло на себя функцию собственной реальности, оно стало осуществлять регулирование естественных, инстинктивных свойств человека не через человека (внушение, принуждение, насилие), а через предмет реализации, через сам объект проявления этих свойств (деньги). Упорядочивание и стабилизация социальной системы в таком ключе стало практически невозможным именно в силу того, что государство здесь столкнулось с математикой (как знанием *a priori*) применительно к области индивидуально чувственного абсолютного большинства *a posteriori*. Государство не может себе позволить местечковое регулирование, требуя себе абсолют власти в отсутствии какого – либо другого хозяина, устанавливая собственные законы экономики, которые стали страшнее мистических законов судьбы. Удерживая человека на расстоянии экономического выживания, государство терпит фиаско регулирования в начале XX века. Западное государство не способно нигде на земном шаре поддерживать одинаковый режим собственности пребывания безотносительно пространства и не способно обеспечить день завтрашний, то есть пронести себя сквозь время. Естественным выходом и в то же время самым страшным с точки зрения гуманизма явилась война. Внутреннее банкротство нового государства, созданного Великим Про-

свещением, вылилось в реализацию необходимости внешнего структурирования реальности по типу сходства и отличия. И если первая мировая война была формой компенсации этой ущербности, которая в рамках наследия немецкой классической философии трансформировалась в собственную ущербность, то Вторая Мировая война уже была крестовым походом тех, кто согласно Гегелю, унаследовал таинство устройства мира против тех, кто пребывает в заблуждении. Вообще же безумие соединения прошлого с вечными идеями во имя будущего – черта, которую государство приобрело только в последние 300 лет.

Государство возникло как система управления не бытием в возможности, а бытием в действительности, оно карало, ограничивало, устанавливало и навязывало. Такова природа государства в первые 5 000 лет его возникновения. Оно есть следующая ступень перед религией и всеми регулятивными культами, так как его сфера реализации не область восприятия, а именно область действительного. Сегодня же государству наоборот приходится экономить любую репрессию на фоне XX века и пытаться вернуться к регулированию области восприятия, то есть фактическому корреспондированию бытия в возможности. Все больше и больше склоняются к идеологии, пропаганде о ненасильственном вмешательстве, ориентируясь при этом на эталоны, которых в принципе никогда не существовало в области действительного. По сути, вместо того, чтобы признать, что государственное управление в последние 150 лет довело социум до того, что он стоит теперь перед неизвестностью своего развития, с пресеченными историческими и прочими традициями, современное государство пытается само себя убедить в том, что есть возможность какого-то такого форматирования восприятия реальности, которое позволит вернуться к утраченному эталону. Но этого эталона не было никогда, а была энтелехия, процесс реализации, который каждый раз терпел фиаско.

С одной стороны, формально-юридическое равенство является гарантией государственного, а, с другой стороны, оно является его целью, являясь при этом целью каждого. Равенство относительно чего – то есть форма стабилизации хаоса в современном мире? Неужели, подняв на знамена столь очевидно нерабочий механизм структурирования социальной материи возможно было рассчитывать на успех? Равенство относительно государства, бытием в возможности которого является закон, а суд – движущей причиной всей парадигмы, означает неравенство самого государства в отношении всего того, что является не государственным. В этой тезе следует наполнить это «государственное» каким-либо националистическим, или идеологическим содержанием, так мы получаем готового субъекта войны, исходя опять же из идей Великого Просвещения.

Для индивидуума получается, что он может заслужить привилегированное положение только в связи с государственным, либо местами устраняя его (т. н. «коррупция»), либо кооптируясь в него (прямые специальные статусы иммунитета или положения *ex officio*). В связи с этим наблюдается не только падение понятий чести (тем более, что у судов чести нет и этому бытию в возможности просто негде реализовываться), но и элементарных регулятивных правил в обществе. Закон становится единственной формой познания социального (если речь, конечно, не идет о научных исследованиях вопросов *a priori*). Государство между тем, превращаясь в собственную реальность, стремится так себя технократизировать, чтобы каждая кухарка могла управлять государством. Эти процессы иногда напоминают два локомотива, несущихся по одной колее навстречу друг другу. Современное государство не самоосознает себя как новую форму реального, новый уникальный комплекс парадигм, требующих специального нового регулирования, продолжая руководствоваться рывковыми лично-метровыми соображениями своих правителей. Ранее государство упорядочивало хаос социального равенством насилия в отношении всякого, то есть каждому было понятно, что он в одинаковой степени слабее государства, но в остальном вмешательство в универсальную сферу регулирования носило только форму налога (как платы за ненасилие). Каждый на своем уровне сам решал вопросы жизни и смерти (кто в своей семье, кто в своем хозяйстве, кто в своей вотчине). Кто

не имел ничего, тот ни на что и не претендовал, кто имел смелость и мужество пытал счастье разбоем и войной, тот, кто был приближен умозрению – шел в науку (церковь, религиозные культы и так далее). Жизнь организовывалась вне сферы государственного регулирования и по объективным законам структурирования социальной материи. Сегодня же (в последние 300 лет) государство, внезапно узрев всю несправедливость дифференциации всех и каждого, вторглось во все сферы жизни любого человека, заменив ему тем самым среду обитания. Однако методы регулирования, несмотря на тысячекратно возросший объем регулирования практически не поменялись. Возможности влиять увеличились многократно, но методология по типу опознавания – нет.

В этом отношении современное государство больше похоже на шизофреника, который изредка застает себя то за построением душегубок, то за применением атомного оружия, то ужасается своему безразличию при трагедии сотен миллионов умирающих с голоду. Отсутствие четкого представления о самом себе, смутное представление о своем рождении и жалкие попытки вывести именно из этого собственность сущности, во многом оправдывают современность с ее политикой негласной аристократии, но все же лишают понимания того, что происходит сейчас именно в текущий момент деятельности, не говоря уже о каких – либо планах на будущее. Первые лица государств всего мира сейчас больше зависимы от современного шаманизма, чем любой вождь архаичного племени.

Необходимо четче определяться с природой государственного, иначе эта форма организации социальной материи будет неизменно утрачена, при наличии еще не пережитых институтов структурирования социальной материи в форме непосредственной агрессии. *Устранение человека по – прежнему самый эффективный способ снятия противоречия, носителем которого он является.*

Казалось бы, логичной представляется позиция, при которой для того, чтобы удерживать пространство, преодолевать его, необходимо сделать объектом воздействия человека. То же самое верно и в отношении времени (яркий пример – право частной собственности в Китае, ограниченное 100 летним сроком). Если брать человека умозрительно в отрыве от конкретных обстоятельств, то представляется, что нет людей ни плохих, ни хороших, равно как поступки сами по себе не плохие и не хорошие (Сократ, Платон). Все *определяется целесообразностью*, людям, поступающим тем или иным образом, представляется в силу их вовлеченности в тот или иной вихрь обстоятельств, что они поступают наилучшим образом. Такая точка зрения для античной мысли вполне в духе «Метафизики» Стагирита. Целевая причина, как прообраз материальной в парадигме бытия таким образом определяет волю человека, как представление, доминирующее над его волей. В этом отношении мысль Великих Просветителей следует признать верной, необходимо заменить целевые причины государства, просветить население относительно Нового государства, довести до сведения масс изменения в области движущей причины (понимание человека как центра любой парадигмы бытия) и социальная материя сама начнет преобразовываться, упорядочиваться определенным (в рамках полученного знания) образом, что приведет к распаду всего того, что вызывало такую ненависть и явилось причиной революций. *Центром преобразования должен быть человек, так как он является основой всего, только в нем живет бытие в возможности.* И только он является движущей причиной любой парадигмы бытия. Таким образом, меняя его статус, возможно сложить Новое государство, тем или иным образом организованное в отношении человека и из человека. Все Великие просветители сходились в этом, обнаруживая, правда, порой различные представления о человеке (от самоуправляемого рационального человека Ж. Ж. Руссо и заканчивая полностью персонифицированным темными страстями и пороками человека Т. Гоббса). До сих пор элементы этого подхода обнаруживаются во всех Основных законах стран Западного типа демократии. Дальнейшие действия уже не представлялись сложными. Взирая на то, как окован

человек, необходимо было расковать его, сообщить ему некоторую долю *свободы воли*, формализованную юридически в правах и свободах, которые защищаемы силой государства. Был даже сделан шаг дальше – получил разработку институт естественных прав человека, который формализовал отношения человека и государства, табуируя нарушение таких прав. Понимая, что в предельном случае конфликт между отдельным человеком и государством будет носить острый характер, были введены принципы правосудия как формы снятия общественных противоречий, гарантирующие максимальные возможности к реализации вышеуказанных прав, возможности доказывания своей невиновности (усиленные сегодня абсолютизированным принципом презумпции невиновности). В дополнение к столь масштабным изменениям была введена система разделения властей, сдержек и противовесов, так как Великие Просветители понимали, что *сущностью любой власти является зеркальный перевод бытия в возможности в действительность, продуцирующий бытие государства как бытие в действительности права*.

Казалось бы, все хорошо, но история показала, что человек оказывается не постоянная сущность, а произвольно производная. Не прошло и 200 лет с данных преобразований, а мир уже перестал существовать как место, в котором можно заниматься планированием собственной жизни. Сегодня человек не может сказать, как он будет жить через 10 лет, что его будет окружать. Превратив всех в Сизифов частной собственности, государственная политика подобного рода не смогла сделать людей счастливыми, даже представить их себе счастливыми невозможно. Сегодня зависимость человека от внешней формы организации материи по сравнению с 300 годами возросла в тысячи раз. Предоставленный сам себе он становится накопителем всего, что только имеет форму возможного проникновения, не будучи кооптирован в общие парадигмы структурирования материи он становится приверженцем любой соблазнительной формы организации материи. Собственная же сила суждения отдельного индивидуума по его собственным отдельным вопросам невероятно низка и не способна организовать порой домашнее хозяйство, не говоря уже о каких – либо элементах социальной системы (подать жалобу в суд, выступить с законодательной инициативой, полемикой и прочее). Повышение уровня образования для большинства людей означает не приобщение к таинству мира, а всего лишь исполнение ритуалов, позволяющее приобщиться к парадигмам принятым в обществе, не более, избранность и избирательность знания была так же упразднена.

Задумаемся с некоторой долей предельности, что есть человек, как через него возможно государственное структурирование пространства и времени? Посмотрим на человека с тем, чтобы понять, что именно в нем необходимо регулировать, как в системе ретранслирования и воспроизводства бытия в возможности, включенного в бытие парадигмы государства.

Человек всегда рассматривается как форма участия в переходе бытия в возможности в действительность и поэтому как система вечно стремящаяся к покою, к полноценной реализации того или иного бытия в возможности в действительность. Наивысшая точка алектности ему задана, когда он является единственным носителем бытия в возможности, которому предстоит реализоваться в действительность и только от него зависит будет ли реализовано данное бытие в возможности или нет. Данная ситуация возникает при творческом процессе, тайных акциях разведывательного плана, совершении сложных преступлений. Каждый может прикоснуться к ней при измене любимому супругу в обстановке строжайшей (может быть даже и мнимой) секретности. Как ни различны все эти примеры, но с людологической точки зрения они имеют одинаковую структуру организации. В данном случае характеристика целевой причины такова, что она полностью сопоставлена только движущей (субъекту реализации, действия), энтелехия полностью зависит от него самого, от чистоты его действий, направленных на реализацию бытия в возможности. Критерий остановки, то есть воплощения правила энтелехии, в конечном, счете остается за самим реализующим (играющим субъектом). В какой-то определенный период времени цикл реализации может быть пройден, но это не означает,

что сам субъект будет удовлетворен результатом. В некоторых случаях это приводит к засасыванию его в область цикличности реализации, втягивания в процесс ради самого процесса. Наименьшая точка алеантности наблюдается, когда человек является носителем того бытия в возможности, которое не реализуется в области его бытия в действительности. В индивидуальном плане – это навык, когда функция стабилизации вынесена за пределы осознания и, соответственно, не образует целевую причину ни в одной парадигме, смещена в область обстановки, в отношении внешнего – это, например, суверенитет народа, носителем которого каждый является в отдельности, естественные и неотчуждаемые права человека. Нечто сродни исполнению функции реквизита в коллективном действии, то есть, когда необходимо занять человеком определенное место и пространство не более того (предметная сторона энтелехии). Следует отметить, что уровень алеантности напрямую зависит от количества повторений реализации одного и того же бытия в возможности в область действительного. Так первичное действие, если его бытие в возможности составляет применительно к субъекту целевую причину, всегда вызывает высокую степень алеантности, то же самое действие, повторенное в 1001 раз грозит стать формой навыка, при простейшем наборе действий и областью естественности при сложном механизме, если убрать способность осознавать свое влияние на действие и его хоть сколько нибудь игровой характер, мы получим некоторого рода серьезность, бытие которой можно моделировать по типу Кантовского пари на 100 фунтов. Возможна и обратная связь, действие может консервироваться в предельности своего бытия, при изменении внешней обстановки, а потом возрождаться для новых участников с другой степенью алеантности. Таково, например, развитие охоты, собирательства. Если ранее это была необходимая функция, освященная молитвой и всем ритуальным в целях обеспечения перевода бытия в возможности в действительность, схваченная миром и развертывающаяся, как сама жизнь, то сегодня это чистая игра в чистом виде, развлечение. В принципе, динамический анализ во времени позволяет многие формы деятельности, которые не меняются по алгоритму реализации бытия в возможности в действительность, увидеть в разном свете. В основе степени алеантности лежит степень посвященности, степень приобщенности к бытию в возможности и степень участия. Например, высокая степень приобщенности, при невозможности участия – рождает созерцание. Высокая степень приобщенности и высокая степень участия – рождает азарт. Высокая степень участия вне приобщенности – это всегда неудовольствие, использование, эксплуатация и прочее. Государство находит баланс в степени приобщенности каждого и в степени его участия, наделяя лиц формально-юридическими статусами в тех или иных процессах общественного бытия. Но при этом совершенно забывает сейчас о том, что степень алеантности напрямую влияет и на качество реализации, и на структурирование пространства и времени в той или иной парадигме бытия, процессе энтелехии, реализации. Всем знакомы ситуации провала во времени в часы влюбленности, увлеченности каким – либо делом, вовлеченность в потустороннюю реальность азартных игр. Везде, где лицо приближается к высокой степени алеантности, оно кооптируется в парадигму, участие в которой продуцирует соответствующую степень алеантности, настолько, что перестает быть персонифицированным в парадигмах общего основания (которые тоже когда – то имели такой же характер, к слову сказать, – введение календаря Цезарем очень долго обсуждалось в высшей степени эмоционально, как и изобретение и распространение наручных часов, не говоря уже о вековых переходах от Юлианского к Григорианскому календарю). Тоже самое наблюдается с любым бытием в возможности. Именно поэтому временные процессы в юности, когда все практически в первый раз и в последующие периоды жизни воспринимаются совершенно по-разному. Все беспредельное, все то, что составляет в представлении самое себя область антиномии и апории – все это область только индивидуального бытия в возможности, только данность мысли о мысли, бытия в возможности в области самого бытия в возможности. Это только для одного и не для кого более. В мире осуществления, в области чувственного, столкновения с изоляцией простран-

ства и времени той или иной парадигмой, первыми попытками реализации и прочее – все конечно и опознаваемо рамками и системами условного бытия в упорядоченности (исчисление, математика) в степени достаточной для воспроизводства и надлежащего уровня цикличности. *Время и пространство рождается именно вокруг субъекта, участвующего в реализации того или иного бытия в возможности.*

Именно поэтому замкнутость государственного, его замкнутость не стенами и палачами, а замкнутость сопричастности тому, что есть государство, грозит ему переходом в область априори для субъектов ему не сопоставленных, исключением их из целевой причины бытия и, соответственно, продуцированием в них представления о том, что в отношении них творится какое – либо насилие незаконное, несправедливое и потому требующее отмщения.

Упорядочивая время и пространство, государство, прежде всего, должно заботиться о неизменности представления, бытия в возможности, составляющего каждую его парадигму. В данном случае это нормы закона. *Стабильность закона – это не показатель его качества, а цель его бытия.* Конечно, сложно писать такие законы, но прежде всего не стоило их менять, становясь на путь реформаторства. Неизменность права позволяет государству проносить себя через время. Традиционно построенные государства выигрывают по сравнению с теми, что полагают законы своего рода инструкцией к технике, прогресс которой необходимо влечет за собой совершенствование и самой инструкции. Право, в случае стабильности закона, со временем приобретает качество универсальной формы познания, позволяющей выстраивать и сопрягать те или иные парадигмы лучшим образом, нежели ориентироваться исключительно на движущую причину (государственную власть), как на то, что в своих субъектах переживает ею же издаваемые законы. Преодоление пространства достигается опять же за счет того, что государство является мини моделью человеческого вообще. Так, само по себе бытие в возможности – это область, где все существует и все возможно, но только в области действительного все существует раздельно и не противоречит друг другу при должной степени реализации. Область мысли – это то общее, что позволяет приобщаться в области действительного к любой форме, соответствующей идеальному. Задумывая изваять скульптуру, скульптор, если себя таковым понимает, имеет «до себя» навыки, умения своих предшественников, представления о прекрасном в виде эталонов и все прочее, что позволяет ему, следуя установленным правилам, избегать неконтролируемых, хаотических форм проб и ошибок, в которых можно провести существенное количество времени. Точно так же и в области социального действия государство является тем же, чем природа является для скульптора, это налицо заданная реальность, со своим содержанием идеального и действительного. С той лишь разницей, что это активно структурирующее значение (стандартизация) в определенном, очерченном пространстве. Если этой идеально сформированной стандартизации (начиная от мер и весов и заканчивая естественными правами человека) где – либо нет – значит там нет и государства, как бытия в действительности этой идеальной реальности, бытия в возможности права. Формировать прозрачность собственных парадигм реализации таким образом – это первейшая задача государственного, без этого целостность территории может поддерживаться только силой оружия, а не механизмами принятого структурирования реальности. Коммуникативная бытия в возможности является следствием вынужденного перемещения человека в целях выживания (формирование языка в Ледниковый период, миграция животных на юг – обмен информацией среди охотников), поэтому «летучесть» удачного бытия в возможности, пригодного к реализации без особых сложностей завоевывает больше территорий, чем самые изощренные военные акции, – развал СССР самое лучшее тому подтверждение.

5

Единожды сформировавшаяся парадигма перевода социальной материи в форму автоматически «склонна» к самоповтору. Установившийся порядок более уже не нуждается в конкретных субъектах, он сам кооптирует в себя, в свой ритуал участников, формируя их определенным образом. Удачный переход бытия в возможности в действительность будет реализован вновь. Участникам будет казаться, что это благодаря им существует социальная материя в форме, что они ее двигают и преобразовывают из области мысли в область действительного, но это обман. Парадигме бытия, области действительного *никто индивидуально не нужен*. Любая область действительного отрицает любое индивидуальное как противоположность, как уникальность. Любой процесс действительного – это шкала от индивидуального, мыслимого к общественному, вплоть до символизации и навыка. Общественное может градировать субъектов по тому, насколько каждый из них выполняет функции процесса перехода возможности в область действительного, присваивая им, исходя из этого ранги, но ни один социальный процесс не имеет свойства жизнеспособности в привязке к конкретной личности. Необходимость повтора совершенно не очевидна, но совершенно неизбежна. Такова природа социального. Даже искусство в этом отношении не исключение. В момент, когда рождается творческое произведение, есть энтелехия бытия в возможности, которая подчиняется закону: *пока есть становление- нет ставшего, когда есть ставшее- нет становления*. Пока, субъект, допустим, пишет книгу, он еще ничего не создал, он пытается и здесь нет ничего социального, есть только его процесс, когда работа наконец завершена, «сделана», творец – не более, чем сторонний читатель, его функция будет точно такой же, как любого читателя, зрителя – сопричастность через форму приобщения- чтение. Он знает о том, что это его произведение, кто- то еще это знает, но с точки зрения самого процесса, самого текста – это абсолютно все равно. Повлиять на него в части структурирования даже сам его автор не в силах. Да, он может его толковать, изъяснять, но это уже повторы обращения к бытию в возможности, которыми может заниматься каждый, с той лишь разницей, что они не будут называться аутентичными.

Непонимание этого простого и очевидного положения разыгрывает трагедии в браке, творчестве, государственной службе и так далее. Субъектам парадигм кажется, что носители бытия в возможности – его хозяева, но это не так. Примерами этого может служить многое. Для государственного управления это проявляется в узурпации власти, должностных злоупотреблениях властью, ложно понимаемой незаменимости. Лучше всего это ощущается при соприкосновении с такой вещью, как государственная тайна. Неаккуратная работа с данным бытием в возможности, а иногда и просто соприкосновение с ним, могут стоять карьеры, свободы, жизни. Любое бытие в возможности, даже изолированное сознанием одного носителя, стремится к реализации, к размещению, как можно в большем количестве носителей. Сама по себе реализация бытия в возможности в рамках пространства и времени дарит участнику этого процесса удовольствие различной степени, начиная от азартного стремления к расшифровке древней тайнописи в алгоритме парадигм научного знания, до хвастовства, явки с повинной, написания пространных мемуаров. Игра, переводящая материю в форму, не умирает и никуда не исчезает, она ждет своего участника в самом реализовавшемся бытии в действительности. То, что из действительности можно извлечь бытие в возможности в достаточной степени, для его повторения и воспроизводства, нам демонстрируют дети каждый день, да и вообще каждый день нашей жизни, пока мы живы. С той же степенью, с какой хаос страшит человека, символизирует для него достигаемость смерти, с той же степенью он тянется к упорядочиванию, стабилизации и неизменному повтору. Страшно, конечно, когда формой стабилизации для субъекта становится само разрушение. Это яркий пример того, что *любая стабилизация признается как положительное*. Субъект не может себе отказать в утилизированном им способе

снятия противоречия, а уже тем более в осознанном навыке, именуемом привычкой. Любая деятельность, снимающая напряжение, уже, даже без социальной нагрузки и функции, становится положительно идентифицируемой, будь то курение, прием алкоголя, наркотиков или расчленение людей заживо. Единожды обретя покой в такой форме деятельности, субъект воспринимает ее как *необходимую к реализации* для воспроизводства состояния чувственного восприятия, достигнутого к моменту ее завершения. Он может ее даже не желать, но в момент, предшествующий исполнению, переводу социальной материи в форму, он осознает *необходимость* исполнения, в какой – то степени превращаясь в зрителя со стороны. Такие страшные формы успокоения, порой являются выражением занесенного в субъекта бытия в возможности, которое составляет противоречие организации социального. Самый простой пример – это непосредственное подчеркивание индивидуальности субъекта и формирование в нем завышенного социального ожидания из одного лишь основания его существования.

Самое «летучее» бытие в возможности – целостное. Не имеется в виду универсальная концепция, а только та «возможность», которая может быть реализована в действительности в полном объеме относительно возможности, не оставляя зазоров, на основе которых происходит видоизменение. Иными словами, чтобы видоизменить, необходимо реформировать, реструктурировать само бытие в возможности, само по себе оно не меняется, вплоть до совпадения идеального и реального (символизация). Поскольку человек – динамическое существо, обретающее себя в управляемом движении в пространстве, в автоматизации навыка хождения, хватания и прочее, бытие в возможности при своей реализации неизбежно было приговорено к захвату пространства, разворачиванию в пространстве. Время как форма сложения и структурирования переходов значений, в перевертыше индивидуального и общественного, неизменно структурируется началом и завершением процесса реализации. Человеку необходимо войти в процесс и выйти из него, он не может находиться в реализации постоянно, только если он не является целевым объектом энтелехии (например, путешествие, туризм, очное обучение – совпадение предметной и целевой причины в парадигме). Это обусловлено, прежде всего, ранними перцепциями окружающего мира при невыносимо опасных условиях выживания, когда каждый день был похож на последний. Ритмичность нашей натуры, необходимость тактового начала и завершения лучше всего отражена в нашей способности восприятия музыки. Именно игра в чистом виде здесь гармонирует с тем, что позволяет нам кооптироваться в парадигмы, способность участвовать в энтелехии окружающего. Естественность того, что содержится в нас – так же часть человеческого. Мы очень часто воспринимаем то, что мы получаем из той или иной парадигмы, организации конгломерата парадигм как наше, хотя на самом деле *это наше только в рамках участия и только как участника*. Расколдовывание окружающего мира, попытка перехода к собственности и только собственности всегда чревата обнаружением нашей негодности и непригодности ни к чему в этом мире. «Я» как «только Я» никому не интересно и ничему не сопоставлено. Каждый раз, задумываясь об индивидуальности судьбы, о том, что, в конечном счете, есть жизнь, мы приходим к печали и единственно правильному выводу о том, что необходимо жить исключительно ради самой жизни вне оценочных категорий, поскольку и они нам не принадлежат перед лицом конечности – равной для всех Вечности. Холод этого ощущения может быть заполнен только символизмом Бога, религии, которая является единственным стабилизирующим когнитивным началом, управляющим предельными вопросами индивидуальности. В этом отношении верующий в Бога и находящий покой в Боге именно по вопросам личной, индивидуальной судьбы – счастливый человек. Я не вспомню, кто это сказал и о ком, но мне запомнился рассказ одного священника, пережившего ГУЛАГ СССР. Он рассказывал о том, что он был занят на ТФТ по 16 часов день и каждый раз, приходя в барак, он валился с ног. На третий месяц такой жизни он не мог уже исполнять элементарных функций самообслуживания, но не переставал на ночь молиться, прося у Бога снисхождения и сил пережить все это. При этом он отчетливо ощущал неминуе-

мость скорой и тяжелой смерти в психотравмирующих условиях, он измучил себя страданием за себя как за страдающего в беде человека. И вот, однажды, придя в барак, он заснул не помолвившись. Во сне ему явился причисленный к лику святых и с упреком сказал ему, что ему надо радоваться, ибо этот причисленный ранее к лику святых в свое время добровольно, сам обрек себя на подобные страдания, для того, чтобы изжить в себе «человечка» и приблизиться к Богу, стать человеком как творением Господа, и через себя понять лучше Бога. А он, получив *это* от государства, да еще с таким стимулом (администрация лагеря), жалуется и канючит у Бога снисхождения каждый день, вместо того, чтобы радоваться возможности улучшить себя в познании истины. И вот это священник говорит, что когда он проснулся, все вокруг было уже по – другому, все было радостно и оставшиеся годы (я так понял, что он сидел свыше 10 лет) он провел радостно и счастливо. Когда я слышал этот рассказ, он занимал весьма высокий пост в Церкви.

Еще одно свойство человека, проистекающее из желания стабилизации, желания покоя – это необратимость его формообразования. Субъект форматируется определенным образом комплексом парадигм и в них остается практически до конца жизни, максимум на что он может отважиться – это на некоторый отказ от существующего в нем, но по форме организации материи он практически не меняется. Невозможно отказаться от родного языка сознательно, заставить себя его забыть, например. Складывающиеся в человеке формы опознавания реальности составляют его естественность, их реализация является предметом убежденности и верования. Проповедование собственной убежденности, самореализация содержащегося в человеке бытия в возможности иногда носит просто угнетающий характер (есть целое название – люди разговорного жанра, болтуны), иногда запрет на проповедование собственной убежденности лежит в основе Священных писаний, где прямо указывается на отсутствие необходимости наставлять на путь истинный в связи с тем, что каждый сам к нему придет. Это так же имеет еще и агитационное значение. Создатели мировых религий понимали, что форма структурирование мира через Бога, тем более через Текст абсолютно не зависит от содержания человека, он универсален для любого познающего и верующие в этом отношении равны. Чтобы не шокировать и не отвращать от Писания лучше, чтобы каждый не демонстрировал свое содержание, а кооптировался в веру в форме ритуала, который универсален для всех. Нас и сегодня, но уже благодаря развитию средств массовой информации, поражает, что какой – нибудь маньяк, убивший и расчленивший свыше десятка несовершеннолетних, сидя на ПЖ, вдруг начинает говорить о христианском Боге и о Промысле Божьем, который привел его к истине и вере. Такое не понравится ни одному проектировщику социальной системы, а уже тем более, ее организаторам.

Государство как то, что существует до рождения человека и то, что будет существовать после его смерти, пользуется у любого субъекта безусловным доверием (нет разницы с вечным). Власть может себя дискредитировать по персоналиям (поэтому Великие просветители, отчасти, ввели избираемость власти как символа государственного), но *сложившийся порядок отправления, бытия важных вещей* необходимо достоверен в глазах субъектов – институт гражданства, порядки обеспечения безопасности, бумажные деньги, свидетельства о праве собственности, рождении ребенка, компенсационные выплаты и прочее. Все это, субъектом даже не опознается как государственное, является для него важным и определяющим его состояние спокойствия относительно бытия самого себя в связи с окружающим миром.

Само государство в определенных сферах существует как последовательно увязанный порядок, алгоритм и единое образование действий, отсутствие хотя бы одного из которых свидетельствует об отсутствии бытия государства либо в целом, либо в определенном времени и пространстве (рамки уголовного дела, например, при фундаментальных нарушениях уголовно- процессуальной нормы).

Упорядоченность для государства не выступает определенным специфическим признаком, но в то же время содержание в государственном бытии противоречий свидетельствует о его неразвитости и отсутствии государственно – подобного образования. Реальность может состоять и из несовместимых мифов и верований, она может быть представлена совершенно не увязанными в рамках энтелехии процессами, которые по сути служат цели- только стабилизации и порядка. *Но именно государство отличается тем, что оно сначала снимает противоречия в области бытия в возможности, называя это законом, затем добивается полного и точного перевода этого бытия в возможности в действительность и множит парадигмы реализации данного бытия в возможности на всей территории, которую считает своей и которую предварительно объявляет своей.* При этом еще один специфический признак – по тем вопросам, которые попадают в указанное бытие в возможности (область закона) государство не терпит никакой конкуренции. По данным вопросам оно есть единственная область порядка, противостоящая всем другим и воспринимающая все другие формы как враждебные, захватнические. Иное возможно только в рамках договора с другим государством, в форме отступления от общего правила, *но единая форма для любого содержания* – в этом девиз государственного.

Поиск пределов стабилизации социальной материи широко представлен историческими примерами. В тот или иной период времени государственной власти кажется, что она имеет возможность регулировать все или почти все, в другой период она отказывается почти от всего. Удачным представляется институт местного самоуправления, как форма выхлопа и снятия избыточной регулятивной функции государства. Федеративное устройство так же имеет свои преимущества, так как преодолеть национальность, даже в условиях глобализации, представляется практически невозможным, в силу того, что это один из факторов полностью персонифицирующих вовлеченного в это бытие в возможности субъекта.

Если индивидууму, единожды упорядочившему хаос мира весьма сложно отказаться в дальнейшем от удачной формы его воспроизводства, то государство в этом отношении представляется системой способной не только к изменению, но и к свободному проектированию. Практически любая реформа, которая кажется убийственной для него и невозможной к исполнению, при волевом отношении превращается в реальность.

Теории порядка противостоит всегда теория свободы воли и самоопределения личности, при этом, как правило, отмечается, что излишнее регулирование всегда ведет к тому, что происходят процессы самоорганизации общественного, которые в итоге ведут к революции, либо другим кардинальным изменениям. *Но здесь необходимо понимать свобода воли – это фикция, в области человека нет ничего, что могло бы его прокормить в отрыве от ему подобных.* Степень зависимости человека от себе подобных абсолютна, а любое коллективное попадает в сферу бытия государственного. Это сложный момент отграничения государства от других образований и его соотношения с государственной властью. Взаимообусловленность государственного обнаруживает себя именно как коллективное человеческого, а не человека в отдельности, как это было у Великих Просветителей. Человек в отдельности – это все и ничего, фикция рассуждения области а priori, рассуждения все того же одного. Понимание государства как естественности организации человеческого бытия в этом отношении наиболее достоверно угадала теологическая концепция происхождения государства, хотя во многом по опять же содержанию, она была не принята ни современниками ее создававшими, ни последующими поколениями. Но, что в области социального Бог? Если Дьявола мы представляем как некоторого субъекта вполне порой ясно, то представления о Боге и тем более их символизация куда более сложный процесс. Чему же обязано государство своим происхождением как естественная форма отрицания хаоса, форма бытия абсолютного коллективного порядка?

6

Генезис государства не содержит в себе *ничего особенного* с точки зрения социальной организации. Это всегда военная форма происхождения, так или иначе увязанная с войной и в этом, пожалуй, единственная специфика. Любая успешная война движима силой и вдохновением воинов. Мирное время обеспечивается теми, кто рожден в нем и не знает вкуса военной удачи. Мир всегда лучше любой войны, ибо воинов немного и не они составляют основу бытия значения в мире, но именно в них воплощена сила разрушения социального. Человек был настолько слаб, что тот мир, который он себе создал, мир игры и выживания в области значения игры, это как сопереживание вне удачной охоты. Тот, кто мог себя прокормить сам и добыть себе пищу в охоте не нуждался в коллективе. Скотоводство, земледелие создали те, кто не был готов выживать, рискуя каждый день жизнью и те, кто устал быть вечным охотником. Все, что мы связываем с цивилизацией есть продукт понижения *личного усилия* человека, стремления успешного кооптирования в то, что функционирует в связях, нарастающих по типу коллективной организации. Когда охота неудачна коллективно, при том, что все исполнили свои обязанности добросовестно и прошли акт инициации надлежащим образом – никто невиновен. Форма личного участия в общем деле – первое, что создает человека человеком. Восприятие внешней необходимости как собственно желаемого и поэтому личного – условие для успешности: «я должен, – значит я хочу». Любая девиация в стандарте ритуала – поражает в правах на успех весь коллектив. Вместе с тем осознанное коллективное бытие невозможно без подвижного ритуала, сущность которого в том, чтобы обеспечивать всех и каждого. Государство рождается там, где есть необходимость значительного управления в целях обеспечения алгоритма согласующегося с необходимостью, расположенной в области представления (это может быть как текстуально выраженная воля монарха, так и сложившийся обычай, так и приказы, правила военачальника- без разницы). Избыточность необходимости управления в четком соответствии рождает все институты государственного, первым из которых является сбор дани с завоеванных (налоги).

Разрушение – сопутствующее начало любой игре. Нет ничего проще, чем нарушить ход реализации любого процесса. В определенных случаях достаточно просто отвлечься, сопряжение с другим бытием в возможности неизменно переключает ход реализации всей парадигмы.

Государство – это всегда устройство социального мира, устройство парадигм бытия. В тот момент, когда та или иная парадигма, целевое предназначение которой состоит в том, чтобы структурировать другие парадигмы, теряет с ними определенную связь и доступность, которая составляла основную методу по исполнению указанной задачи, возможно структурирование любого социального бытия, включая и то бытие, которое по своим параметрам не имеет отношения к первичной парадигме в комплексе ее целей и задач.

Реформирование государства Западного типа сегодня – задача не теоретическая и даже не гносеологическая, – это первейшее условие выживания Западной цивилизации именно в силу того, что эта цивилизация неотделима сегодня от государственных институтов. Уровень проникновения государственного во все сферы жизни человеческого таков, что если изъять все то, что есть государственного из Западного человека, от него равным счетом ничего не останется. Во многом это именно технологическая проблема. Наука, Западная наука, в этом отношении уникальное явление, природу которого еще только предстоит оценить и осмыслить. Западная цивилизация благодаря науке- это форма отрицания личности, которая способна вывести за «круг человека» только силой своего примера. Последние всплески личного, наблюдавшиеся в режиме национал -социализма в Германии и большевизма в России в XX веке настолько испугали человеческое, что в настоящее время Западный мир видит в личном больший вред, чем Афины видели в Сократе с Аристотелем. Личное, возведенное в форму

стабильной уверенности представления о том, как необходимо осуществлять функцию бытия, превратилось просто в неприличное. Методология научного познания, трансформированная в систему высшего образования, стала необходимым минимумом культурного доступа к любой мало- мальски значимой социальной функции. Это порождает в свою очередь отсутствие любой личности в области бытия в возможности, сегодня нет возможности создать что- то новое и опереться на это так, чтобы представлялось возможным сохранить преемственность прошлого и настоящего. Если ранее социальным фильтром в этом отношении являлись воинская доблесть, честь, происхождение и прочее, все, что могло по объекту своего притязания принадлежать и трансформироваться благодаря личному отношению, то сегодня в странах Европы личность является продуктом системы образовательных учреждений, составляет средний класс, который является главенствующим. Но буржуазные теории среднего класса были хороши именно в отсутствии государства как формы организации социальной материи, когда деньги были деньгами, а не формой перехода виртуальных значений. Тогда средний класс был и источником спокойствия государственного, и держателем его акций. В современных же условиях, когда государство не регулирует экономику, а по сути дела определяет ее, структурирует, зависимость среднего класса от государства точно такая же, как и любого раба. Уровень потребления среднего класса не позволяет ему превозмочь жизнь, или даже поменять жизнь отдельно взятого человека. Доходов среднего класса едва хватает на то, чтобы придуманными институтами обеспечить собственную безопасность от посягательства государственного (оплатить расходы на адвоката, или скрыться от государственного- сбежать). Ни о каком противостоянии, а тем более о реализации личной воли в противовес воли государственного речи вообще идти не может. Государство не терпит поражения ни в чем. Формально -юридическое равенство как занятая игра- единственное, что еще находится в области влияния так любимого сегодня среднего класса. Но 100 лет назад не было такой закрытости государственного (государственная тайна, например), прекрасно рефлексивно урегулированных понятий национальной безопасности, общих международных интересов. При этом, что стоит за данными категориями, являющимися основаниями к действию совершенно неясно. Новый шаманизм объективирования политической воли?

Западной науке, которая серьезно задумалась над тем, что она есть только после применения атомного оружия в XX веке, многое настолько непонятно, что в своих попытках самоидентификации, она как вновь родившаяся форма познания окружающего мира, повторяет путь философии, пройденный 3000 лет назад. Исследования методологии науки именно желание, если не объяснить, то хотя бы выявить аксиомы понятийного, сопряженного, если не в органоне познания (логика в этом отношении к науке не применима), то хотя бы в языке.⁵ Эти наивные попытки самоидентифицироваться в форме договора о терминах, успешно обретают себя опять же исключительно на государственном уровне, – в международном частном праве, международных союзах, конфедеративных формах организации, банковской сфере и прочее, но в рамках науки как формы познания -несостоятельны в силу огромной динамики изменения государственного, *по сравнению с динамикой изменения личности*. Если жизнь человека за последние 100 лет ускорилась в 10 раз, то жизнь государства в 10 000 раз. *Общественное просто не может влиять на государственное, а государство не знает где бы ему найти то самое общественное, которое значителен записанным в систему гражданского общества.*

Как оказалось, ничего из теорий Великого Просвещения просто не способно работать. Ничего из теорий XIX века на практике не обернулось пользой. Современность ничего лучше (кроме чисто восточного способа сохранения – того, что имеет место быть в ООН) не придумало. Жалкие попытки США возродить военный тип государства терпят неудачу именно

⁵ О естественных герменевтических формах опознавания реальности, определяющих процесс познания см. L. Wittgenstein. Philosophical Investigations. N.Y., 1953, p. 31—36

в силу того, что слишком конспирированы и не ориентируют завоеванных на подчинение, а призывают к тем формам организации материи, которые не только чужды социальной организации, но и религиозным чувствам, составляющим сердцевину государственного. Поверить в демократию в XVIII веке было можно, но сейчас, на Востоке, – никогда.

Проблема Западной государственности в том, что она перестала быть формой упорядочивания социальной материи, проявления современного типа организации представляют из себя иногда полные противоречия в области действительного, которые само государство, устранившее древнейшие институты снятия социальных противоречий просто не в состоянии снять через правосудие, судебную власть.

Современное государственное устройство в формуле того, что право – это бытие в возможности государства, а государство – бытие в действительности права, выглядит весьма разумно. Так, законодательная власть продуцирует бытие в возможности, лишенное *по его изготовлению* (полноценном агональном обсуждении субъектами, имеющими различную качественную репрезентативность в смысле как ее понимал Карл Шмидт) существенных противоречий, именуемое благодаря процедуре снятия таких противоречий законом. Это фактически структурирование *целевой причины парадигмы государства*. Исполнительная власть является специальной движущей причиной, задачей которой является зеркальная реализация бытия в возможности в области действительного. Судебная власть обеспечивает снятие реализованных в области действительного противоречий, как по отношению к закону, в случае его некачественности, так и по отношению к допуску в парадигму реализации бытия государства сторонних участников (кого изолирует, кого допускает, кому компенсирует издержки связанные с не допуском к участию в реализации парадигмы государства). Суды относятся к корректирующему началу материальной причины, так как работают только с уже реализованными формами области бытия в действительности. Различные механизмы сдержек и противовесов, соответственно, больше отнесены к области формальной причины, так как моделируют моменты завершения одного процесса и начало другого. В области непосредственной реализации, ограниченной рамками «здесь и сейчас» функции судебной власти, а точнее суждения, заданы и законодательной, и исполнительной ветвями. Именно поэтому судебная процедура более всех детализирована и представляет собой более других ритуальность.

Подобное расположение парадигмы бытия государства по трем ветвям с учетом системы сдержек и противовесов как формальной причины бытия, казалась наиболее приемлемой Великим Просветителям. Вместе с тем, необходимо понимать, что бытие всегда задано в виде 4-х причин бытия Аристотеля, образующих парадигму бытия. В динамике они сменяют друг друга (процесс энтелехии), в завершенности они представлены парадигмой равновесия различного рода идеального (бытия в возможности) и реального (бытия в действительности). В этом отношении функции трех ветвей власти представляются простым разделением целевой, движущей и материальной причины (судейская власть здесь, как известно, руководствуется только законом, поэтому она является тем, что определяет сформированность и адекватность материальной причины целевой), структурирование специального механизма формальной причины (система сдержек и противовесов). *Все данные причины бытия находились в области парадигмы бытия и до разделения властей, не составляя специального предмета исследования и познания.* Узурпация власти, как основная причина разделения властей – не совсем искренний аргумент в пользу именно такого государственного устройства. Здесь речь шла именно о ликвидации не узурпации власти, а *ликвидации личности*, которая могла использовать государственную систему для воплощения своих представлений о том каким должно быть социальное. Узурпировать власть практически невозможно, об этом вам скажет любой монарх и любой диктатор. То, что многие из них называют властью служением и соответственно таинством – правда. Эти люди вовлечены в парадигму, которая существует прекрасно и без них, и уж точно совершенно не для них. Тот факт, что они ею полностью персонифицированы и не отделяют

себя от нее – свойство любого человека. Большой уровень медиатизации этого свойства может шокировать (как перцепция, вторгающаяся в чужой ритуал), но любой ритуал, рассмотренный с точки зрения никогда не участвующего в нем, напоминает логику абсурда. Государственное устройство, подчиняющееся логике государственного управления, – это результат реформ последних 300 лет, превративших государство в потустороннюю реальность. Сегодня государство – это некоторая субстанция, *бытие которой нигде и везде* в соответствии с представлениями и словоупотреблением. При этом метод Л. Витгенштейна, в этом отношении не чуть не лучше того, что легло в основу понимания мер и весов на рассвете цивилизации, государство примеривают к реальности через специального служащего – «государственного служащего» определенного ранга, а точнее – судью, да, впрочем, и не только судью. Это то, что было придано храмам на рассвете перехода от товарных денег к деньгам как таковым. То же самое сейчас в отношении государства, понятия государственного. Есть определенное представление о том, что это такое, но без специально обученного человека, обладающего эталоном уровня государственного, здесь в этом вопросе не обойтись. В этом отношении Великих Просветителей можно только поздравить. Они нивелировали представление о государственном до первобытного уровня, погрузив его в мифологию, в то время, как научное знание шагнуло вперед, оставив государство далеко позади. Государство как стандарт уровня допустимого социального, сформированного в области закона, весьма интересно для дня современного.

Видеть в государстве нечто оторванное от реальности, существующее само по себе – один из первых признаков религиозности. В XX веке дважды предпринималась попытка формирования Бога- Государства (национал социализм и большевизм), обе попытки провалились. Но дальнейшая ситуация может привести к тому, что в государстве начнут видеть мистического врага, темные силы, которые в лучшем случае могут подвигнуть к побегу, а в худшем – привести к организации в социуме такой реальности, бытие которой будет несравненно хуже государственного, по сути разрушит его и погребет под собой остатки демократизма, который пусть и в зачаточном состоянии, но все же присутствует.

Изначально демократия являлась прекрасной формой снятия противоречий, технологией формирования того бытия в возможности парадигмы государства, которое учитывая интересы всех, кто имеет возможность проявлять свои интересы, имело все шансы реализоваться в действительность естественным образом во всех стадиях своей реализации, свидетельствуя общий интерес. В то же время в критические моменты демократия уступала место авторитарической форме правления, которая существенно оперативнее решала острые текущие вопросы, иными словами в условиях, когда реализация общего коллективного бытия в возможности, выраженная в законе, не представлялась возможной, не считалось зазорным отказаться от демократической формы правления на неопределенный срок. Это естественная смена парадигм государственного устройства была адекватным отражением текущей ситуации, в которой *государственные механизмы воспринимались именно как условно созданные методы адекватного реагирования на ту или иную ситуацию, а не как форма социальной организации, имеющая самоценность, исходя из структурности элементов*. Государство, желая сегодня приблизиться к системе, регулирующей любой круг вопросов, стремится подменять естественные условия, которые само же и создает, пытаясь увидеть свою особенную специфику там, где есть простые законы формирования социальной материи. Юридическая наука, которая не обладает ни собственной методологической базой, ни историей методологии познания социальных явлений, в этом отношении только усиливает представление «кажимости» в отношении государственного как особой мета- реальности, мета- надстройки, обладающей некоторой уникальностью и отсюда великой ценностью. Отказ от Бога, естественно, породил необходимость касты нового Бога, ею стали наши доблестные юристы, возглавляемые методологией юридической школы, которая до сих пор предмет от метода познания отличить не может.

Закон как форма познания реальности, правовой реальности до сих пор таковым не считается. Нежелание признавать искусственность любого государственного устройства, всегда мотивируется тем, что это ведет к анархии. Между тем к анархии ведет именно то обстоятельство, что *личности навязывают государственное как естественно образование*, которое не только не может быть отринуто, но наоборот является лучшей формой организации материи. Наиболее интересно это выглядит на примере признаков государства.

Юридической школой выделяются следующие существенные и неотъемлемые признаки государства: *территория, народ, публичная власть, закон, аппарат принуждения, налоги*.

При этом каждый из них опознается как *специальный признак*, характеризующий особым образом государство, государственность. Вместе с тем, следует заметить, что все они являются обычными признаками коллективного бытия. Именно в этом кроется проблема при детальном анализе каждого из них, что и заставляет снимать возникающие противоречия (хаотичность мысли об исследуемом предмете) через введение специальной терминологии (суверенитет, гражданство, правоохранительные органы). Теория государства и права не обладает вне юридической методологией и поэтому не может провести надлежащей оценки природы государственного, находя его то тут, то там в зависимости от политических установок (заказов), фактически являясь заложницей данных установок, что, кстати, с успехом, демонстрирует отечественная наука, как Советская теория, так и «вновь открытая» российская. По сути, единственным ощутимым, но не названным признаком государства сегодня выступает *масштаб организации*.

Итак, **территория**. Сложно себе представить любую парадигму бытия, лишенную изолированности в пространстве. Все в этом мире, схвачено в области места, пространственной протяженности. Даже бытие в возможности, как бытие в возможности, изолированное рамками сознания субъекта и только, уже имеет пространственную ограниченность и зависимость – тело человека. Это сейчас естествознание сформировало достаточное представление о человеке, которое покоится в области очевидности и доступности для всех, не вызывает сомнения, раньше же и само строение тела человека было предметом неизвестности и непознаваемости. *Сферы бытия области мысли человека – это единственная сфера, в которой реально возможно существование a priori, в остальном все имеет конечность и завершенность*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.